

“Живая диалектика”

Зеленым первокурсником философского факультета Киевского ордена Ленина государственного университета им. Т.Г.Шевченко (как он тогда назывался) я впервые услышал фамилию М.Л.Злотиной среди имен известных в Украине диалектиков, таких как П.В.Копнин, В.И.Шинкарук, В.А.Босенко. Услышал от всезнающих старшекурсников, которые, как казалось нам, неофитам, после первых несмелых посещений заседаний факультетского философского кружка, уже разбирались в философии и владели, как сами же говорили, “живой диалектикой”.

Но, к сожалению, никто из названных авторитетов первокурсникам лекций не читал, а потому воспринять непосредственно из их уст “живую диалектику” было невозможно. И мы нашли выход из положения: группками и поодиночке посещали их лекции на старших курсах.

Здесь следует сказать несколько слов об атмосфере на философском факультете во времена моей учебы — в 1964–1969 годах. Поступали мы на историко-философский факультет (отделение философии), но позднее он, подобно инфузории, размножился делением — на два самостоятельных — исторический и философский. Подавляющее большинство первокурсников-философов составляли вчерашние солдаты — действовало правило, предоставлявшее возможность подавать документы в вуз на последнем году службы. В гарнизонах для абитуриентов даже создавали подготовительные курсы. Этот “контингент” изголодавшихся по знаниям армейских ребят подталкивала к действию еще и ситуация 60-х — ныне называемая “хрущевской оттепелью”.

Итак, мы окунулись в водоворот интеллектуальных борений, поисков и споров. Бегали на лекции и выступления властелинов умов — известных философов, историков, писателей, кибернетиков, дипломатов. Н.М.Амосова буквально преследовали. По вечерам он часто выступал в рабочих аудиториях, домах культуры, клубах, отвечал на многочисленные записки практически на любые темы. Нас он интересовал прежде всего как ученый, работающий в области моделирования мозга, искусственного интеллекта. Модная тогда тема — может ли машина думать? — задевала нас “за живое”, и дебатировалась она везде, где появлялась хотя бы одна философская голова. Приезжая иногда на факультет, Амосов полемизировал с философами.

Вот на такой волне “зайцем” проник я на лекцию Марии Львовны, но то была, на мою беду, не студенческая, а преподавательская аудитория в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при университете. Пристроился я с краешку на последней парте, где сидел седовласый мужчина и читал что-то рукописное (видимо, конспект), подчеркивая отдельные места красным карандашом. Но когда началась лекция, он тут же достал из бокового кармана пиджака красивую китайскую ручку (такой, ясное дело, у меня тогда еще не было) и с невероятной скоростью принялся записывать сказанное лектором. Я был изумлен. У меня так не получалось. Однако я заметил, что мой сосед весьма умело сокращает слова (со временем и я научился такой скорописи).

Аудитория сразу же заработала “на прием”, а после звонка многие устремились к лектору с вопросами. А я? Я незаметно выскользнул из аудитории, как чужеродное тело. Ни один вопрос у меня в голове не возник. Душу холодило подсознательное ощущение поражения, пустоты...

Скажу откровенно: в лекции я не понял ничего. Где она, та диалектика, и что оно такое? С трудом дождался звонка. Мария Львовна говорила слишком сложно для моей тогда еще солдатской головы. Чтоб ухватить ее мысль, нужно было цепко держать в памяти всю мысленную конструкцию, от самого начала каждого суждения, а он коварно ускользал, терялся в сплошном тумане, и все разваливалось. К тому же и записывать я не успевал. И наконец, я не понимал, о чем речь.

Словом, после того случая я перестал гоняться за знаменитостями. Гораздо позже, когда нам прочитали целый ряд философских дисциплин, когда мы сами засели за учебники и монографии ученых, в том числе и М.Л.Злотиной, начало созревать понимание этих непростых вещей.

Но все равно курс “живой диалектики” я прослушал, когда уже после пятилетнего ассистентства на кафедре философии дошла и до меня очередь ехать в ИПК. Коллеги, возвращавшиеся оттуда, напутствовали: “Обязательно запишись на спецкурс к Злотиной”. Впрочем, я и сам знал, что нужно записаться.

Рассказывая об основных законах и категориях диалектики, Злотина магически влияла на аудиторию, приобщая нас к непосредственному процессу интеллектуального творчества. Подобно музыканту-виртуозу, она импровизировала, в совершенстве владея искусством оперирования понятиями. Перед нашими глазами возникала действительно живая диалектика, сплошная ткань процесса развития. Это было философствование как музыка, без единой фальшивой ноты. И всем становилось понятно, каким

могучим орудием познания, каким проявлением человеческого разума является диалектика.

... Сижу над своими конспектами лекций Марии Львовны, пишу эти заметки и думаю о том, как хорошо было бы переиздать ее труды. Они, на мой взгляд, очень пригодились бы в деле профессиональной подготовки и философов, и социологов, особенно теоретиков. Ведь наша социология чрезмерно эмпиризирована, в ее конструкции не достает умело выстроенного теоретического этажа. В целом же диалектика не заняла надлежащего места в отечественной социологии, хотя отдельные образцы ее в мировой общественной мысли хорошо известны (материалистическая диалектика К.Маркса, “негативная диалектика” Т.Адорно, “диалектический гиперэмпиризм” Ж.Гурвича и др.). И раз уж наши социологи ныне учатся, овладевая достижениями мировой социологической мысли, то почему бы им не изучать и диалектику?

Обращение к научному наследию М.Л.Злотиной в таком контексте может стать наилучшим способом отдать должное памяти об этом талантливом человеке.

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,
*доктор социологических наук,
заведующий кафедрой истории и теории социологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко*